

## ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО

К этому дню мы готовились давно. На поле в промежутках между строевыми занятиями и учебной стрельбой среди красногвардейцев велись горячие разговоры: когда наконец придет этот долгожданный решительный день — день вооруженного восстания. Красногвардейцы рвались в бой против ненавистного Временного правительства. Но руководители из путиловского большевистского комитета успокаивали самых нетерпеливых:

— Ваше от вас не уйдет. Ждите призыва партии.

И мы ждали, а пока изо дня в день маршировали после работ по топкому Петергофскому шоссе, учились строю, перебежкам, применению к местности, метали гранаты, а иногда даже устраивали парады рабочей Красной гвардии.

Как только созданся Военно-революционный комитет Петроградского Совета, стало понятно, что восстание не за горами. 18 октября у нас за Нарвской состоялось общее собрание красногвардейских боевых дружин. Определенно было сказано, что в любую минуту надо быть готовыми к выступлению. В заключение комендант боевых дружин района взял у одного красногвардейца винтовку и скомандовал самому себе:

— К бою готовься!

Собрание оживилось. Все было совершенно ясно.

Еще через день — 19 октября — мы в нашем транспортном цехе собрали солдат Тарутинского полка, работавших на заводе. Поставили перед ними вопрос прямо:

— Пойдете с нами до конца? Вы с нами шли против генеральской контрреволюции Корнилова. Мы вас поддерживали в ваших требованиях. Вместе с нами вы принимали резолюцию, требующую передачи всей власти Советам. Теперь наступает решительный момент. Нужно силой свергнуть Временное правительство.

Тарутинцы объявили себя боевой дружиной, выбрали командиров — сотника, десятских — и стали частью путиловского красногвардейского отряда. Теперь уже на заводе и на верфи было 12 сотен — общей численностью свыше полутора тысяч человек организованных и вооруженных красногвардейцев. Отряд был построен так, что в нужный момент каждая сотня разворачивалась в роту в 240 штыков и, таким образом, отряд составил бы два полных боевых красногвардейских полка.

Наш отряд был снабжен всем необходимым. У нас были винтовки и пулеметы. Мы имели свои — собственного производства — пушки, тяжелые и легкие, зенитные орудия, грузовики, двуколки, санитарные повозки, походные кухни, которыми мы в корниловские дни снабжали Измайловский полк.

О том, что пришла пора выступать, стало известно 22 октября.

В этот день Петроградский Совет, руководимый большевиками, проверял готовность масс к восстанию. Огромный митинг на Путиловском заводе показал, что рабочие только ждут сигнала, призыва своей большевистской партии. В этот день по всему городу — полкам, заводам, фабрикам — проходили собрания. В Павловский полк, с которым мы были тесно связаны, были посланы наши товарищи. Вернувшись, они сообщили, что солдаты-павловцы целиком стоят за захват власти Советами и вместе со всеми петроградскими пролетариями пойдут свергать Временное правительство буржуазии.

Для того чтобы обеспечить успех восстания, мы направили разведку в места, где были расположены воинские части. В Нарвско-Петергофском районе их было немало: два донских казачьих полка и вологодская пешая дружина — на Обводном канале; Николаевское кавалерийское училище — на Лермонтовском проспекте; автомобильные части — на Гутуевском острове; казачий эскадрон — на даче Шереметева. А в пригородах, прилегавших к району, — Лигове, Стрельне, Петергофе, Ораниенбауме — находились пулеметные полки, авторота, школа прапорщиков, пехотные части. О некоторых из них, как, например, о Николаевском кавалерийском училище, нам было известно, что в корниловские дни они намеревались выступить на стороне контрреволюции. Во всех этих воинских частях побывали наши товарищи. Они выясняли настроение солдат, определяли обстановку и заодно намечали места для красногвардейских дозоров, которые должны были в момент восстания задержать колеблющиеся части в казармах. Эту боевую операцию по расстановке дозоров за Нарвской начали еще с утра 24 октября.

Рано утром 25 октября меня, как сотника дружины, вызвали в заводской комитет. Деревянное здание заводского комитета было запружено людьми. Но никакой суеты не было. Я протолкался в комнату, где обычно находился член заводского комитета, ведавший вооружением рабочих. Там уже был представитель районного революционного комитета. Он отдавал короткие распоряжения вызванным к нему командирам боевых дружин. Мне было приказано собрать свою сотню и отправиться к арке Главного штаба на Морскую улицу. Там я получу дальнейшие распоряжения. Было сказано, что наш отряд предназначается для наступления на Зимний дворец, где окопалось Временное правительство. За нами двинутся солдаты разных полков, поэтому необходимо, чтобы отряд путиловцев составил из таких красногвардейцев, которые пойдут только вперед.

Из завода мы вышли после полудня. Было нас человек восемьдесят: молодые обмотались крест-накрест пулеметными лентами, за поясом наган; пожилые, солидные рабочие — с одной винтовкой и полными карманами патронов. Было и несколько стариков путиловцев. Большинство состояло членами партии большевиков. На этих бойцов вполне можно было положиться — они ни за что не отступят. Шли мы не спеша по Садовой до Сенной, затем свернули влево, к Морской, и направились к месту назначения. По дороге дважды останавливались для перекурки, и оба раза я предупреждал товарищей: кто чувствует хоть малейшую слабость, колебание — вернись. Никто не ушел.

Жизнь в городе текла по-прежнему: магазины были открыты, извозчики ездили не торопясь, на улицах толпилось много людей. Наш красногвардейский отряд не вызывал к себе особенного внимания: он был обычным явлением тех дней.

Чем ближе мы подходили к Невскому, тем сильнее нас охватывало необыкновенное чувство уверенности и вместе с тем волнения. Мы запели любимую красногвардейскую песню «Смело, товарищи, в ногу», и боевые слова ее звучали для нас в эти минуты по-особому:

Свергнем могучей рукою  
Гнет роковой навсегда  
И водрузим над землею  
Красное знамя труда...

У Невского навстречу нам стали попадаться патрули. Там шло передвижение войск, занимавших исходные позиции для штурма последней твердыни Временного правительства — Зимнего дворца. Кое-где стояли пулеметы и пушки. Узнав, что мы путиловцы, нас встретили приветствиями и криками «ура».

Путиловский отряд остановился у самой арки Главного штаба. Нам отдали приказ — расположиться так, чтобы не попасть под обстрел юнкеров, и ждать дальнейших распоряжений. Ждать пришлось долго — часа три. За это время мы смешались с солдатами и матросами, стоявшими тут же. Двое матросов, обвешанных гранатами, заявили, что пойдут вместе с нами, путиловцами, в головном отряде.

Каждую минуту приходили новые вести. Говорили о захвате солдатами мостов, о прибытии подкрепления из Кронштадта, о том, что Зимний окружен со всех сторон и ряды защитников Временного правительства редуют.

Приходили вести и из Смольного. Мы чувствовали, что наше дело крепнет с каждой минутой — решительный момент наступает.

Нетерпение охватывало осаждающих: чего ждем, скорей в атаку!

Но приказа Военно-революционного комитета не нарушил никто. Терпеливо ждали сигнала — пушечного выстрела.

Перестрелка вначале велась вяло с обеих сторон. Но час от часу становилось жарче. С наступлением темноты пошли в ход

пулеметы. Кольцо осады все больше и больше сжималось. Мы двигались вперед небольшими перебежками. Дул холодный октябрьский ветер. Было слякотно. Накрапывал дождь. При перебежках мы валялись в грязь, лежали, пока не подтянутся цепи, снова подымались, шли вперед и опять валялись в грязь. Подвигались медленно. Перед нами маячила огромная Александровская колонна с ангелом наверху. Красногвардейцы между собой говорили: до ангела доберемся — веселей станет, а там скоро и конец будет временным правителям. Наш отряд был впереди всей солдатской цепи. Мы стреляли по ярко освещенным окнам Зимнего, по штабелям дров, за которыми засели юнкера. У юнкеров позиции были выгоднее: мы выходили на открытую площадь, они были за солидными прикрытиями. Наши товарищи предложили разнести штабеля артиллерийским огнем. Но командиры не согласились: и без артиллерии обойдемся. Казалось, войска Временного правительства сдадутся сами. Некоторые, действительно, сдавались. Но были упорные контрреволюционные отряды, остававшиеся верными своему буржуазному правительству.

Наконец загрохотали пушки Петропавловской крепости. Ударил выстрел с крейсера «Аврора». Раздался выстрел из-под арки Главного штаба. Сигнал дан.

В атаку! На штурм!

Прямо лобовым ударом двинулся на Зимний крепкий кулак из рабочих Нарвской заставы, Выборгской и Петроградской сторон, моряков и солдат. От Миллионной улицы двинулись наши друзья-павловцы. Они поклялись честно сражаться за народ. И выполнили свою клятву. От Александровского сада шли густые цепи осаждающих — василеостровцы, рабочие Московской, Нарвской застав, солдаты-кексгольмцы. Лавина обрушилась на дворец. Мы перескакивали через штабеля дров, как заправские гимнасты. Сбивали юнкеров и «ударниц» из женского «батальона смерти». Они бросились наутек. Преследуя их, ворвались во двор, затем в самое здание дворца. Наш отряд разбился на части. Возле меня осталось человек тридцать. Мы гнались по лестницам дворца за юнкерами с первого на второй, со второго на третий этаж. Затем — на чердак и на крышу.

Так загнали мы их в тупик. Повинуясь грозному крику «Бросай оружие!», перепуганные, бледные юнкера и офицеры складывали винтовки.

Мы уводили их вниз.

В поисках спрятавшихся юнкеров наши красногвардейцы забрели в царскую кухню. Там в большом медном котле обнаружили человека. Это был один из царских поваров. Дрожа и плача, он просил пощадить его, хотя никто и не думал его трогать. У него только потребовали чего-нибудь поесть. Он открыл какую-то кладовую. Хлеба там не было, зато была вкусная колбаса.

В одной комнате мы наткнулись на раненых солдат в темносиних халатах. Они совсем не беспокоились, дружески с нами

говорили и были довольны совершившимся. Главное — войне чтоб конец, говорили они.

В этом мы их уверили — уж большевики добьются, чтоб война прекратилась.

Обходя комнаты, подвалы и закоулки дворца, мы нашли немало спрятавшихся юнкеров. Очистив Зимний от контрреволюционной нечисти, многие солдаты и матросы разбрелись по дворцу смотреть «царскую хату». Но всюду по инициативе самих красногвардейцев стали постовые. Все входы и выходы из дворца были заняты. Зимний дворец стал нашим. Восставший народ захватил последний оплот буржуазии.

*В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 253—258*